

Евгений
Водолазкин

Евгений
Водолазкин
Чагин

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В62

Художник Андрей Рыбаков

*В оформлении переплета использованы рисунки
из личного архива Е.Г.Водолазкина.
Русский авангард, 1930-е гг.*

Водолазкин, Евгений Германович.

В62 Чагин : роман / Евгений Водолазкин. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2022. — 378, [6] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-151236-1

Евгений Водолазкин — автор романов «Лавр», «Авиатор», «Соловьёв и Ларионов», «Брисбен», «Оправдание Острова», сборников короткой прозы «Идти бестрепетно» и «Инструмент языка», лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна» и «Книга года».

Исидор Чагин может запомнить текст любой сложности и хранить его в памяти как угодно долго. Феноменальные способности становятся для героя тяжким испытанием, ведь Чагин лишен простой человеческой радости — забывать. Всё, к чему он ни прикасается, становится для него в буквальном смысле незабываемым.

Всякий великий дар — это нарушение гармонии. Памяти необходимо забвение, слову — молчание, а вымыслу — реальность. В жизни они сплетены так же туго, как трагическое и комическое в романах Евгения Водолазкина. Не является исключением и роман «Чагин». Среди его персонажей — Генрих Шлиман и Даниель Дефо, тайные агенты, архивисты и конферансье, а также особый авторский стиль — как и всегда, один из главных героев писателя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-151236-1

© Водолазкин Е.Г.
© ООО «Издательство АСТ»

Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.

Иосиф Бродский. ОДИССЕЙ ТЕЛЕМАКУ

Часть первая

ДНЕВНИК
Чагина

Когда-то Исидор Чагин был знаменит. Его удивительная память вызывала восхищение. Иногда — сомнение: не являлись ли опыты с его участием результатом тщательно подготовленной манипуляции? Не верилось, что человек способен запомнить текст любой сложности и хранить его в голове как угодно долго. Потом выдающегося мнемониста забыли — что звучит почти скандально. Многие свидетели его славы уже в могиле, а те, что живы, поглощены противостоянием неизбежному.

Недавний всплеск интереса к покойному связан с исчезновением его Дневника. В полицейском протоколе событие четко определено как кража со взломом. В ходе следствия мне («Вы были последним, кто работал с Дневником») пришлось ответить на множество вопросов, но выяснить судьбу рукописи не удалось.

ЧАГИН

Да, я был последним, кто работал с Дневником. Скажу больше: был также первым и единственным. Когда я объявил, что собираюсь написать о моей работе, кто-то сказал, что это мой долг. Потом еще кто-то: банальности произносятся многократно. Я не люблю слова *долг*. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр. Это не случай Чагина, и двигало мной не чувство долга. Какое-то другое, не столь могучее, чувство.

Изучая эту жизнь, необычную и по-своему трагическую, я стал смотреть на нее изнутри. Кое-что из Дневника я успел выписать, но в основном — запомнил. Всё это легло в основу моих заметок. Бумага — большое подспорье для памяти, потому что всякий, кто запоминает, имеет и свойство забывать. За исключением, может быть, Чагина, который ничего не забывал.

* * *

Исидор Чагин, архивист (1940–2018).

Табличку для могильного креста заказывал я. По-моему, достойный текст — информативно и лаконично. О покойном, понятное дело, можно было сказать и больше. Можно было и фотографию поместить. Некоторые так и делают, но в этом, я считаю, нет необходимости. Имя, фамилия, род занятий, годы жизни — вполне достаточно. Избыточность вредит.

Уход его прошел незамеченным, как то и подобает архивисту. Сам сотрудник архива, говорю это без тени иронии. Всякому роду занятий — своя жизнь

и своя смерть. Я бы тоже хотел умереть незаметно — уронив голову на какое-нибудь архивное дело, под включенной лампой с круглым зеленым абажуром...

После отпевания в Князь-Владимирском соборе (оно прошло в узком кругу) гроб привезли на кладбище. Гражданская панихида, вопреки обыкновению, проходила не в Архиве — там делали ремонт. Вместо изысканных архивных интерьеров с Чагиным прощались в кладбищенском ритуальном зале. Бетонные, пораженные грибком стены, потрескавшиеся плитки пола. Простуженный голос сотрудницы похоронной службы, бледной усталой женщины с носовым платком в кулаке.

Зачитывая некролог, она запнулась. Бросила взгляд в свою бумагу, потом на Исидора и не очень уверенно сказала, что руки покойного пахнут просоленными морскими канатами. Многие заулыбались, поскольку никаких канатов в жизни Исидора не было. Он, вообще говоря, казался ходячей скрепкой.

Позднее сотрудница, читавшая некролог, подошла к директору Архива и попросила извинить ее за недоразумение с канатами. Этот фрагмент попал в ее выступление из файла о моряке. В правильном тексте сообщалось, что руки Исидора пахли пылью веков. Директор добродушно похлопал ее по плечу. В конце концов, моряков в Петербурге не меньше, чем архивистов. Да и какая разница, чем пахли руки покойника? Кто там будет приниматься...

Когда выходили из ритуального зала, начался дождь. Крупные капли били по зонтикам и по крышке гроба. Распорядительница отметила, что по усоп-

ЧАГИН

шему плачет сама природа, но на это никто не отозвался. Всем было очевидно, что природа плакала по каким-то своим причинам. Из-за дождя гроб закапывали быстро, и мокрые лопаты могильщиков мелькали, как в ускоренной съемке. Через четверть часа все уже спешили к автобусу.

У ворот кладбища директор догнал меня и взял под руку.

— От Чагина нам достался солидный архив. Там много всего, но главное, говорят, Дневник. Учитывая особенности Исидора Пантелеевича, думаю, небезынтересный.

— Архив архивиста, — пробормотал я. — Архивесело.

— У вас, Мещерский, хорошее чувство юмора. Бесценное качество для архивного работника.

Сдержанно поклонившись, я было пропустил его вперед — догадывался, к чему он клонит. Но директор сжал мой локоть, и мы остановились прямо в воротах.

— Займетесь архивом Чагина?

Я не спешил с ответом, а директор меня не торопил. Он задумчиво рассматривал объявление на воротах. За нашими спинами толпились коллеги, но, несмотря на дождь, никто нас не обгонял. Что значит быть начальником...

— Расписание работы кладбища, — медленно прочел директор. — Я бы добавил: к сведению покойников.

Он обернулся ко мне:

— Ну что, займетесь?

— Трудно, Аскольд Романович, отказать в такой просьбе на кладбище, — ответил я.

Это был ответ, полный достоинства, поскольку согласие соединялось в нем с возможностью отказа. Пусть даже этой возможностью я и не воспользовался.

Директор вручил мне ключи от квартиры Чагина, чтобы предварительную работу с материалами я произвел на месте.

— Руки покойного пахнут пылью веков — в этом что-то есть, — директор засмеялся. — Проследите, чтобы на моих похоронах сказали именно так.

Я изобразил легкий ужас: разве директор может умереть?

* * *

На самом деле руки Исидора пахли дегтярным мылом. Все знали, что он моет их после каждого рукопожатия. Кроме того, от него пахло чесноком. Этот запах исходил не только изо рта Чагина, но выделялся каждой порой его кожи. Мылом и чесноком пожилой сотрудник защищал себя от вредоносных микроорганизмов. В конце концов, в зрелом возрасте каждый имеет право на причуды.

Чагин ушел на пенсию года два назад — по собственному желанию. Если бы он хотел, мог бы спокойно работать и дальше: его ценили. Но Исидор, очевидно, хотел другого. Может быть, отдыха. Или даже путешествий — умер он, как выяснилось, в Тотьме, маленьком северном городе.

В течение многих лет Чагин являлся на службу в одно и то же время и, как мне казалось, в одном и том же виде. Надо думать, одежду Чагин менял, но каждая смена повторяла предыдущую. В любое

ЧАГИН

время года он ходил в темно-сером костюме и такой же рубашке. Серым был и его галстук, который не сразу опознавался, потому что сливался с рубахой. Осенью и весной Чагин носил болоньевый плащ цвета мокрого асфальта, а зимой — темно-серое пальто с цигейковым воротником. Когда вышел роман «Пятьдесят оттенков серого», я подумал, что так могла бы называться и книга об Исидоре.

Замечу, что Чагин радовал не только глаз, но и ухо: он говорил скрипучим бесцветным голосом, довершавшим его особенный облик. Однажды я (мальчишка, нахал) сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного зонта, и он молча кивнул. Я подумал было, что он обиделся, но через несколько дней Чагин пришел именно с таким зонтом — и больше с ним не расставался. В погожие дни он использовал его в качестве трости.

Особый чагинский стиль я никогда не считал стилизацией, но сейчас, спустя годы, понимаю, что оттенков серого могло быть и поменьше. Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку — если угодно, зонтик, — которая защищала его от внешних воздействий. Чагин ценил свое одиночество и делал всё, чтобы оно не нарушалось.

Между тем Исидор не всегда был таким. Просматривая книги по истории архивного дела, мы, его сотрудники, время от времени натыкались на немислимые снимки. Молодой человек в белых широких штанах и светлой сетчатой тенниске. После каждого такого открытия под изумленный шепот

книга переходила из рук в руки: неужели это Исидор? Да, это был именно он — весь в белом, без запаха чеснока. Фотографии (за исключением разве что очень хороших) не передают запахов, но одежда, прическа, а главное — взгляд Исидора — такой запах исключали.

В другой журнальной публикации — фото Чагина в длинном кашемировом пальто. На шее — светлый шарф, свернувшийся двумя небрежными кольцами. Сходство шарфа с удавом так очевидно, что переводит фотографию в разряд экзотических. В еще большей степени это делает широкополая шляпа. Киплинг. Гумилев. Чагин.

Но самое удивительное в снимке — это прилипшая к углу Исидорова рта папироса. Исидор и папироса — о, боги... Появление папиросы объяснял помещенный на той же странице журнала причудливый текст. Исидор вспоминал фокус, который показывал в юности.

Затягивался. Задерживал дым. Говорил за двоих:

— Солдат, куришь?

— Курю.

— Трубка есть?

— Есть.

— Плюнь.

Плевал.

— Дунь.

Дул.

— Выпусти дым.

Только после этого выпускал весь дым — он, наш Исидор.

Наконец, все мы знали об удивительном мнемоническом даре Чагина. Старые журналы опи-